

ВЕЛО

ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Ожиданием своим Ты спасла меня.

Где княз и я вернусь,
только очень неси,
неси когда навозят грусть
жесткие дожди,
неси, когда снега летят,
неси, когда поара,
неси, когда дружок не поедит,
железяка ввела.
неси когда из дальних мест
писем не придет,
неси, когда уже надоест
всем, кто вместе недет.

неси меня, и я вернусь,
не перестань добра
всем, кто знает накуса —
это забыть пора,
пусть поверят сын и мать
в то что нет меня,
пусть друзья устанут ждать,
сядут у огня,
выпьют горькое вино
на полноте души,
неси, и с князем заодно
выпить не спеши.

неси меня и я вернусь —
всем смертным князь.
кто же не дал мне, тот пусть
скажет: победо!
не покаять не подавляя, ни
как среди огня
ожиданием своим
ты спасла меня.

как я виноват — будем знать
только мы с тобой —
просто ты у меня ждешь
как никто другой!

К. Симонов

1918 4/ Муриана

• Плач Ярославны •

Художник
Владимир Медведев

Победе - 50 лет

В расплывчатых теньях, окружавших в ту ночь больничную койку старшего лейтенанта, он отчетливо узнавал женщину, которую любил. Она склонялась над ним, придерживая рукой огромный свой живот и что-то шептала.

Он кричал ей, чтобы ушла, что ей нельзя быть здесь накануне родов, что здесь страшно и пахнет кровью. Но она не слышала, склонялась все ниже, касалась прохладной рукой лба, не уходила... Это был бред. Старший лейтенант отчетливо вспомнил его через какой-то непонятый им отрезок времени, когда сознание вернулось, а вместе с ним вернулась жгучая тревога. Успела ли она уехать из Харькова до его оккупации? Страшно было подумать, что не успела: жена политрука, военного журналиста... Он долго искал ее, писал письма во все предполагаемые места эвакуации - тщетно. Там, где не стреляют, за тысячи километров от передовой, уже, наверное, родился второй их ребенок. Мальчик? Девочка?

Когда силы вернулись настолько, что стало возможно сидеть, облокотясь на подушку, старший лейтенант попросил принести ему листок бумаги и карандаш.

«...Родная моя, я ничего не знаю о вас и это сводит меня с ума. Чего бы не сделал я, чтобы услышать сейчас твою польскую «тараторочку» с непостижимыми паузами, в которые я всегда окунался, как в непознанный омут. Молю Бога только об одном - чтобы вы были живы. Я не знаю, где ты, пишу опять наугад, ибо не писать не могу. Не знаю куда послать аттестат. Страшно подумать, как ты - без денег, с двумя крохами».

Штабной офицер, приходивший навещать

старшего лейтенанта, посоветовал послать письмо в один из туркестанских военных округов с просьбой разыскать семью.

Она не получила и этого письма. Получила другое, в просвечивающем, серой бумаги конверте. Письмо принес старый киргиз-почтальон, медленно бредущий по поселку с ветхой сумкой. Он гладил ее по прекрасным ливневым волосам в цвет спелого каштана, шептал слова утешения,

нем (бой был страшный, и его, без сознания, вытащила девочка-медсестра), отправило жене тот серый конверт с непоправимыми словами.

Она приколотла к своему самому любимому платью, в котором с новорожденной дочкой отправилась прямо из роддома в эвакуацию, его фотографию, в круглой рамке черного дерева. Подошла к зеркалу, почувствовала тепло прижавшейся к ней старшей дочери.

Я помню

мешая киргизские слова с русскими.

- Но это неправда, - просто и спокойно сказала она старику. - Это неправда...

Он ушел, горестно покачивая головой, ушел к другому дому, нести страшную весть другой женщине.

А она взяла на руки крошечную дочь, позвала старшую, привычно сдвинула в ниточку свои прекрасные брови, сказала:

- Не верьте. Он жив, я это знаю верно. Он вернется...

Старший лейтенант еще не знал, что точный адрес его семьи уже известен полковому начальству, которое в долгие дни его контузии, потеряв всякие сведения о

- Какая ты красивая, мама...

К вечеру в небольшом поселке на берегу Иссык-Куля уже знали о горестной весточке с фронта. После слез и причитаний ждущих своей участи «офицеров», после скромного чая на высокой террасе киргизского дома, когда в озеро упало черное небо и силуэты гор прочертили горизонт горбоносными профилями, пришел полковник.

Он держал ее руки в своей одной, оставшейся после боя, просил забыть прошлое, обещал беречь малютку. Полковник старательно прятал болтающийся пустой рукав за ремень. Вот тогда она первый раз заплакала.

- Пусть бы он пришел с пустым рукавом, но только бы он пришел...

Она говорила, говорила польской «тараторочкой». Просила понять ее, просила не корить, просила не любить...

Старший лейтенант держал в руках адрес его семьи и пачку ее писем, чудом сохранившихся, чудом дошедших до него. Теперь он знал все: и то, что у него родилась вторая дочь, и где они все теперь, и то, что жена получила горестное известие.

За несколько месяцев до Победы, больного и исхудавшего, его комиссовали и отправили искать семью. Он не написал ей, хотел прийти сам - живой. Господи, как он этого хотел!

А на берегу озера Иссык-Куль бушевала весна, и младшая дочь окунала смешную лукавую мордашку в первые тюльпаны.

И была дорога, душу выматывающий «серпантин». В кабине грузовика сидела моя мать. Шофер - киргиз что-то мурлыкал под нос про солнце, ветер, весну. Потом глянул на фотографию в рамке черного дерева, приколотую к платью женщины, пристально взгляделся в дорогу и, вдруг, бросив руль, закричал: «Да вот же он вот идет тот, который на фотографии».

Машина чуть не сбила с ног моего отца, из кабины к его ногам выкатилась без чувств женщина с рассыпавшейся копной волос цвета спелого каштана. Он поднял ее на руки, поднял к солнцу, к небу, к носатым профилям гор. Киргиз, обняв их обоих, плакал...

Вот так встретились мои родители, а когда я привыкла любить своего отца, он сказал мне: «Самое главное в женщине - умение ждать».

Я помню твои слова, папа.

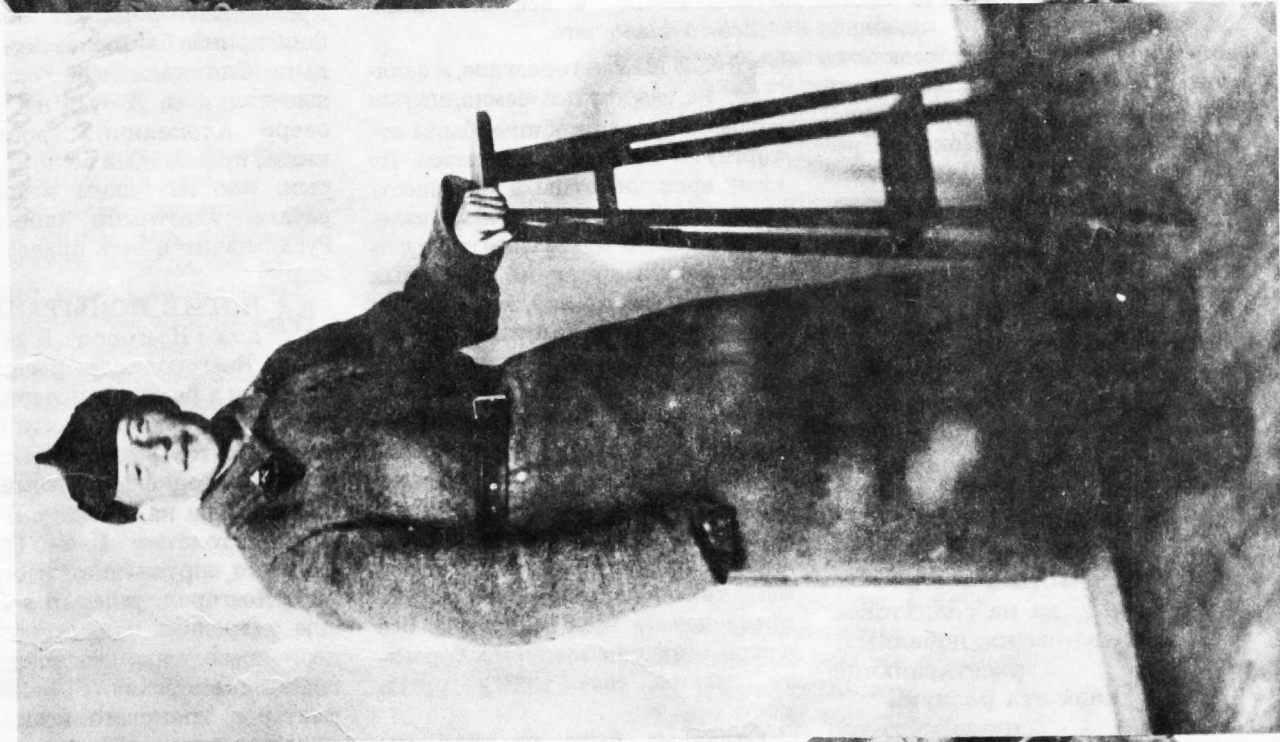
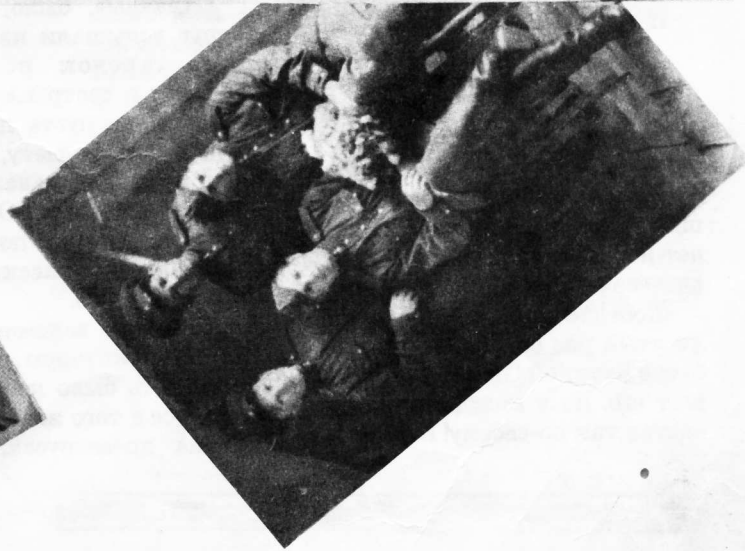
ТАМАРА СИГАЛОВА
Фото из семейного альбома

Лик времени

Александр Межиров ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной
не возвращаются из полета.
Очереди пулемета
режут под корень траву.
Я сплю, положив под голову
Синявинские болота,
А ноги мои упираются
В Ладогу и в Неву.
Я поднимаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.
И когда я поворачиваюсь
с правого бока на спину,
Синявинские болота
хлопают подо мной.
А когда я встаю,
и делаю шаг в атаку,
Петер боя летит
и свистит у меня в ушах.
И лютится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой второй шаг.
И белый флаг вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие
в сторону отходя.
И на мое плечо,
на погон полевой зеленый
Падают первые капли,
майские капли дождя.
А я все дальше иду,
минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзаене
пену слухаю с пива,
И лепел с цигарки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.
А весна между тем крепчает
и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам
денно и ночью пыля,
Я требую у противника
безоговорочной капитуляции,
Чтобы его знамена
бросить к ногам Кремля.
Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то,
Смежив тяжелые веки,
вижу, как нагну:
Я сплю, положив под голову
Синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

1964

В ОТ ВЕДЬ у нас как. Скажут, бывало, «победный», и разумею - радоваться али печаловаться. «Победный клич», «победное войско» - тут вроде бы ясно: кто-то кого-то одолевает и одолевающий торжествует. А «победная головушка» - совсем иное. «Покров Пресвятая Богородица! Покрой мою победную головку жемчужным кокошником, золотым подзатыльником!» - обращалась девица, мечтавшая о женихе. И она же, могло стать, провожала вскорости «победную» надежду, мужа значит, в «безызвестную сторонушку». «Спорядовые соседушки» и мать, и сестра по нем и по ушедшим вместе с ним запричитают:

И не глядели бы победны
ясны очушки
И на несчастное житьё
да на солдатское,
И на слезливо их, победных,
расставаньице!
И как жива эта разлука
пуще мёртвой!
И не радила (желала) бы
победна я головушка
И я ни роду бы крещёному,
ни некрести,
Как ходить да по
солдатушкам походным!

С этим словом горемычных женщин тоже вроде бы ясно. И все же нет-нет, а и запнёшься над иным словосочетанием.

«Победное празднество» - в пятидесяти раз оставшиеся в живых после Великой Отечественной слышат его. Но у каждого оно отзывается так по-своему! И ни словом,

НЕ МОРОЗ ЛИ ЦВЕТ НА ЯБЛОНЯХ ПОБИЛ? - ТО НА ПЕПЛЕ НОВГОРОД ПОБЕДНЫЙ.

ни жестом не выразить. Ибо в нем все! - от победных головушек, проводивших и так-таки не дождавшихся, от победных добрых молодцев, ушедших и так-таки не воротившихся, до знамен и знамен победных в стольном городе Москве и на всех полях сражений, по-старому «победищах» - от Севостополя до Мурманска, от дальневосточных украин до Берлина.

Не стыдно побеждать, коли есть чего защищать. И хотя цена незабываемой Победы была и остается такова, что впору бы только вздохнуть, - О, победная ты наша Матушка-земля! - а все же защищать-то было чего.

В СЕ МЫ - и горожане, и селяне, ввергнутые «семинадцатым годом» в междоусобицы, были отторгнуты от дедовых заветов. По «зову времени» отцы добросовестные жёнам своим и дочкам взлелеянным вмиг отхватили косы; и видно по их лицам на довоенных семейных карточках, что вовсе не одной только их наружности коснулись лезвия ножиц. Это было лишь предвестие того, к чему горячие головы на Западе и на Востоке, пользуясь доверчивостью большинства, так тщательно готовились... И увидев впоследствии в музее смерти, коих не один, пирамиду, сложенную из отрезанных женских волос, холод ужаса будет преследовать тебя неизбежно. Все в этом мире так зависимо. Берегите, девицы, свою красу - русую косу.

Отданные, было, на убой, мы вдруг услышали из чернобумажных тарелок репродукторов: «Братья и сестры...» И одно такое обращение, пусть даже произнесенное по расчету, уже стоило защищать: оно давало надежду. И силы умножились. Об этом существе факте помнят многие. Мама о нем рассказала мне. Я пересказываю.

Тогда же вспомнилась и наша история, которую в предвоенные годы чуть было не начали исчислять все с того же «семинадцатого». Имена древнерусских полковод-

цев ожили. Они звали к воинской доблести, к защите Отечества, а не к телохранению идеологических трутней, которые, словно крысы с тонущего корабля, в тяжелую минуту ринулись на восток. Ох-ох! Под каким только обликом в прениях живота и смерти человек не явит себя.

«Косая» меж тем вела свою перепись. Прибралась, что называется, она и в Новгороде.

«Кде святая София ту Новгород» - заявил на вече перед горожанами князь Мстислав Мстиславич. Слово это стало с той поры незримой крепостью города. От храма Софии, приняв благословение от владыки Спиридона, вел свои победные полки на Неву и на Чудское озеро Александр Ярославич - князь, признанный великим и святым, ибо не одним мечом, а и речами уместными защитил он Русь, значит и весь православный мир.

МНОГИЕ ИСПЫТАНИЯ ведомы Новгороду. В 1478 году пала Новгородская республика: «Не быти в Великом Новгороде ни посаднику, ни тысяцкому, ни вечу не быти; - говорится в Псковской второй летописи - и вечный колокол сvezоша на Москву». В следующем столетии Иван Грозный жестоко порушивший и ограбивший Новгород, увлекал в Московию одаренных зодчих, живописцев, древоделов, златокузнецов, швей, скоморохов с медведями, мастеров храмового пения. Плененный шведами Новгород в 1611-1617 годах умалился числом своих граждан от пятидесяти тысяч до двух, да и у тех на поборы шведскому королю «ничего не осталось, кроме жизни». «Плач из среды сердца глубокий и рыдание горко» - скажет в те дни дьяк Иван Тимофеев.

Было, видать, в Новгороде нечто такое, что прельщало «рыцарей» Запада. И нынче невольно задаешься вопросом: случайно ли то, что оказалось уготованным ему в середине XX века.

Где София, тут и Новгород..

Помнилось это пришедшее из древности слово всегда. И тогда, когда волею Петра в период Северной войны Новгород с каменными ограждениями его детинца был вновь превращен в страж земли русской. И тогда, когда от Софии отправлялись ополченцы на войну 1812 года. И тогда, когда тут же, посреди кремля, пред светлым храмом Софии в 1862 году благодарная Россия в знак признания за Новгородом первородного права утверждала монумент своему тысячелетию.

Незабываемым оставалось завещанное слово даже и тогда, когда Новгород, очутившись на окраине от столбных путей-дорог, покорно признавался тихим, уединенным городком, сплошь утонувшим в благоухании яблоневых садов. Весной, когда, взглядывая с высоты ковра-самолета, Новгород чудом умещался на как бы плывущих островках и когда его, кажется, невозможно было бы отыскать в океане полый воды, солнцем на большем из этих островков восседал золотой купол одного из самых древних на Руси храмов.

Когда же в последнем за Новгород препирательстве корни и ветви на изморщившем лице Земли стали терять своё природное расположение, когда рудый плитняк, возимый на лодях с Коростыни и из коего по обыкновению слагались здесь храмы, едва не плавился от ратного зноя и когда уставшие от разрушительного труда люди, изглодав золочёные покровные листы Софии, превратили их в пепельницы-сувениры с гравировкой - «Novgorod», вот тогда, казалось, все было кончено: уронены с Софийской колокольницы именитые и трезвонные колокола, повержен с возвышенного креста голубь - образ Духа Святого, покровителя города со всеми его чады. И не оставалось тогда места помыслу о поселении на пепелище. А летописцу впору было изронить «Слово о погибели велия града». Но не явился летописец. А во вновь и вновь отчаянный для земли нашей 1942 год - год семисотлетия Чудского сражения - ради согласия мужественных, ради спасения Отечества учреждается заново (после замысленного еще Петром Великим и учрежденного в 1725

году его женой Екатериной I) орден Александра Невского.

Д А, КОРЕННЫХ НОВГОРОДЦЕВ, рассказывают, вернулось к оголенным печным стоякам душ около пятидесяти. Все остальное был народ прибылой. За иного прибылого, правда, можно было дать семерых коренных. Всяко бывало. Вернулись. И что делать: не в Боровичи ли перенести областной центр?

Думали-гадали, и принялись таки избойженным церквям достраивать, долепливать их тела. Кто-то с тщанием подыскивал один к другому подлинные кусочки. Кто-то, нарекая церкви памятниками, кроил по чем зря и спешил занять их под склад. Тут же и сами ютились. Одним удалось в почившее было вдохнуть жизнь, другие учено анатомировали по живому, третьи словами боролись за сохранность древнего облика города, за его окольные валы, ручьи и протоки, а делом копали ему яму. Словом, зажили в меру одаренности.

И Новгород уже постепенно начинал возвышаться над руинами, когда в 1951 году во время археологических раскопок была найдена написанная острым писалом на бересте грамота. Вторая. Третья. Нынче их больше семисот пятидесяти. Каждая грамота - это живая речь ремесленника или монаха, невесты или ратника, начинающего грамотея или дотошного ростовщика. Их имена... О! Что за имена! - Взора, Олисава, Олофа, Озарья, Микулица, Сновида, Ярина. А еще Братята, Вокта, Гостиата, Доброшка, Деденя, Добромысл и Домажир, Жирослав, Завид, Коснила, Малята, Милост и Милонег, Невид, Неговит, Негорад, Нежата и Нежко, а еще Обиден, Олфоромей, Путила, Радко и Рох, Сбыслав, Селила, Смешко, Сольмир, Сотко и Страшко, Твердята, Творимир и Хрипан, а еще Нежебудич, Дорогонежич и еще... Истинное восстание из небытия. А как вразумительна и кратка их речь! «Хозяин, - говорится в письме XIV века, - земля готова. Надобе семена».

Д А, ИМЕННО ТОГДА, когда Матушка-земля была готова, грянул праздник Победы. Он

совпал с весенне-летним природным ликованием и всеобщим обновлением. В это время прилетают стаями певчие птицы. Гремит гром, салютуя начало вспашки. Строго и величественно это время: селянин по древнему обычаю, вымывшись, в новой рубахе, с берестяной севалкой, босиком выходил в поле. Кормил Землю хлебом - для урожая. И молча осыпал ее семечком новой жизни.

Так же и послевоенные новгородцы. Начали сеять. Кто что мог. У каждого своя нива. Надо было растить город, связывая воедино все его концы, изначальные и последующие. Непростой этот город. За пятьдесят весен много чегоросло. Нынешнее ликование оттаявшей Земли застилается у наших родителей воспоминаниями о первом громе Победы, о том, что намеревались посеять и что посеять удалось. О современном облике города можно рассуждать по-разному. Но взгляд на него человека, некогда его защищавшего, выжившего после тяжелой контузии и впоследствии посвятившего ему свое творчество, достоин особенного нашего внимания.

С НОВГОРОДОМ оказалась связана судьба родившегося 9 мая 1921 года в Одессе Семена Ивановича Пустовойтова. Кавалер орденов Славы III степени и Красной Звезды, Почетный гражданин города Новгорода. Живописец. Если о нем еще не весь мир знает, то только потому, что мир многого не знает. Он велик, потому что прост и открыт, как душа дитяти. Одаренность свою и подвижнический труд отдает каменной летописи Новгорода. Церкви для него - это живые существа, населяющие великий город и ему благовествующие. Язык художника внятен и по-своему бывает краток. Он прислал письмо, а в нем такое изображение: Волхов с отражениями, стена детинца, за стеной София Премудрость, в небесах видение - Ледовое побоище.

Таков наш Новгород. Как встарь говаривали, синему морю на утишение, добрым людям на послушанье.

ВЛАДИМИР ПОВЕТКИН
28 апреля 1995 г.

Восьмая струна

Михаил Дудин

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова
Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели в нас.
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.
Трехсот пятидесятый день войны.
Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остротки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.
Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.
Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.
Потом сильнее, входя в горячий пыл,
Как будто настезь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.
Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетании качеств.
Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.
Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день,
Она везде. Она непроходима.
Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика, —
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.
Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще второй, еще — четвертый, пятый.
Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом,
Раскидан растревоженный уют
Тяжелым громяющим снарядам.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.
Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и воде.
Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.
Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся до его лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.
Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».
И сразу канул в омут тишины
Трехсот пятидесятый день войны.
Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.
И может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».
И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Zubовский проезд.
Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.
Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.
Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.
1942

Сергей Орлов

* * *

Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берез,
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.
Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут,
И песни какие споют.
Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду, —
Что было девятого мая
Весной в сорок пятом году.
1975

Александр Твардовский

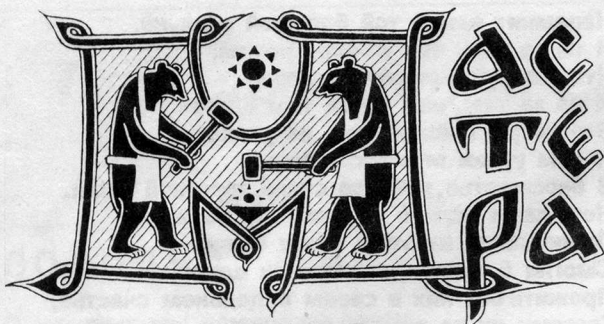
В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в честь салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.
В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.
До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно,
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.
Мы с ними шли дорогами войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.
И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.
Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числится в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.
И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.
Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;
И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли всего наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;
И с теми, что под самою Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимою сорок первого; и с теми,
Что, умирая, даже не смогли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным не чуждою рукою.
Со всеми — пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.
Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ, —
Со всеми, до единого со всеми.
Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.
Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества

Напомнит нам о той большой разлуке.
И не за тем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не за тем, нет, не за тем одним
Что ветры войн шумят, не утихая.
И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —
Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли,
И слухом их не слышать мир отчасти?
И жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?
Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.
К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.
Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немymi.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.
В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.
Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,
Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.
Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.
1948

17-й век - убито 3 мил-
лиона и 300 тысяч.
18-й век - убито 5
миллионов и 200 ты-
сяч.
19-й век - убито 5
миллионов 500 ты-
сяч.
20-й век - убито бо-
лее сорока миллио-
нов только в одной
Европе, и еще не
окончился век..

Степан Карпович Моисеенко родился в 1921 году в селе Курово Брянской области. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной звезды, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», «50 лет Советской Армии», «50-летие Победы в Великой Отечественной войне» и другими. В 1953 году окончил Елецкое среднее художественное училище по специальности художник по росписи фарфора. После училища занимался преподавательской работой. С 1956 года живет в городе Чудово Новгородской области, где почти 40 лет проработал художником Чудовского орде-на «Знак Почета» стекольного завода «Восстание». Член Союза художников России с 1964 года. В 1977 году Степану Карповичу Моисеенко было присвоено почетное звание «Заслуженный художник РСФСР».

Есть люди, о которых просто нельзя не знать. Талантливые, целеустремленные до одержимости и при этом очень скромные. Они успевают сделать многое за свою жизнь и, тем не менее, не очень-то любят распространяться об этом. Вот такой Степан Карпович Моисеенко. Влюбленный в стекло, он всю жизнь свою послевоенную посвятил этому простому и совершенному волшебному материалу. Произведений из стекла и хрусталя, созданных им, пожалуй, хватило бы, чтобы украсить праздничные столы не одного дворца. Но Степан Карпович, создавая сотни уникальных произведений, экспонировавшихся на самых представительных выставках в стране и за рубежом (в Югославии, Чехословакии, Франции, Германии и других), прежде всего работал над образцами для массового производства, а значит, и для массового потребителя, для нас с вами. И его изысканные фантазийные сервизы, вазы, наборы, бокалы разошлись миллионными тиражами по всей стране, украшая и повседневные столы,

и семейные торжества. Его знаменитые хрустальные свадебные бокалы «Вечерний звон» звенели и наполнялись шампанским в руках многих молодоженов и не раз «позировали» перед кино- и телекамерой. Может, и в вашем доме есть они. Только вы не знаете, что появились они на свет, благодаря фантазии Степана Карповича Моисеенко, старого доброго мастера, который всегда умел сделать из своего стекла праздник и чудо.

Держу в руках блестящие, разноцветные камешки. Сколько в них солнца, света; сколько ассоциаций они вызывают. Разглядываю их. Думаю о мироздании, о красоте природы, об удивительном свойстве человека не только любоваться красотой вокруг, но и попробовать самому передать ее в своих собственных творениях, уподобившись Создателю. Он не слепо следует увиденному и поразившему его, а пропускает все через себя, свое миропонимание и только тогда создает что-то совершенно свое, чего раньше не было в мире. Он уже и забыл о причине, принудившей его

взяться за перо, кисть. В этом свойство таланта.

Вот и я держу в руках не просто разноцветные камешки и камни. Я держу произведения. Не природы. Человеческого. Декоративные камни из цветного стекла. Их нет в природе. Они - выдумка, фантазия художника, ставшая реальностью. Любуюсь яркими разливами внутри гладкого стекла желтого, зеленого, красного, голубого, бирюзового цветов. Удивляюсь звучности, пластике, красоте стекла. Кажется, если это и выдумка, то совсем молодого автора, столько в них любви, восторженности, очарованного взгляда на мир. Впрочем, это действительно так. Художник, которому уже пусть и за семьдесят, все равно так же, как в юности, восторжен, глазаст, неуем и изобретателен. Композиция называется «Сопки и камни Заполярья». Может, он увидел когда-то в военной юности рядом с окопом, прямо у глаз удивительные северные камни, причудливо покрытые

чем так, чтобы показать все богатые переливы голубого цвета от почти прозрачного до густой лазури. А вот художник «замораживает» воду, делая из стекла свой «Зимний сад». В многопредметном сервизе «Дубрава» он обыгрывает мотив могучих деревьев старинной аллеи, мокрой от дождя и роняющей листья, укладывающиеся на землю дивным орнаментом...

И почти всегда думает художник о фронтовой юности, нет-нет, да и возвращается в своих произведениях к теме войны. Кому, как не ему, бывшему фронтовику, прошагавшему не один год военными дорогами, знать, что такое война, весна на передовой. Он воевал до самой Победы, пройдя с боями по брянской земле, по Белоруссии, Заполярья. Вернулся награжденным, израненным. Раны до сих пор мучают старого солдата. Да, он до сих пор носит ту войну с собой. Но от этого, наверное, еще чутче его внимание к людям, еще сильнее его любовь и жажда жизни. «Полесная почта. Лучшему снайперу» - поэтически адресует автор опущенные в черные гильзы-сосуды нежные с голубыми, желтыми, розовыми лепестками цветы, впитавшие в себя всю нежность солдата к родной земле, всю обостренную войной жажду жить и любить. Еще более драматичен его «Фронтальной натюрморт». Забываешь, что перед тобой стекло: тусклый свет коптилки, потемневшая солдатская кружка, рядом - выдававшая виды фляга. Простые, знакомые каждому вещи волнуют, вызывают забытую тревогу. Невольно вспоминаешь строки М. Исаковского: «И пил солдат из медной кружки вино с печалью пополам...» Художник не выдумывал образ. Он просто задумался. Над собственной судьбой, над судьбой своего народа. Создаваемые им предметы - символ времени, символ нашей Победы. Стекло, впитав в себя частицу народной души, стало произведением гражданского звучания в руках опытного мастера, замечательного новгородского художника Степана Карповича Моисеенко.

Татьяна Зозуленко

ПРАЗДНИК СТЕКЛА

мхом и сверкающие на солнце. Мысль о том, что он, возможно, видит чудесный, дышащий морем и свежестью мир в последний раз, заставила вспомнить этот миг на всю оставшуюся жизнь. И вот через много лет он вспомнил удивительное впечатление от Заполярья, где воевал, и создал яркую как мир композицию. Камни и камешки ее - не просто округлые голыши. Они то вытягиваются вверх и застывают, словно сопки с заснеженными вершинами, то вдруг сворачиваются как зеленый дерн, пропуская на свет Божий родниковую воду... Композиция, вставившая в себя пятьдесят, а, возможно, восемьдесят и больше удивительных, непохожих одна на другую форм. Как они завораживающе разместились на подиуме выставочного зала!

Степана Карповича всегда удивляла природа, неистощимая на выдумки. И, порой, он словно соревновался с ней на каких-то невиданных состязаниях. Она уронит солнечные лучи в прохладную воду, и он создает удлинённые бокалы в композиции «Утро. Коростынь». При-

Сквозь тонкие ветви зимнего дерева смотрю на припорошенный розовым снегом высокий стог и стожее с отражением неба синее поле, издали слышу тихий лес - он остановился у белого горизонта, на краю зимы... «Поззия рассвета». Единственная картина в моем доме. Но та картина, которую я вижу и закрытыми глазами. Лет пять назад ее подарил мне автор - Игорь Васюков. А сегодня мы в мастерской Игоря, среди новых работ, старых друзей и бесконечного разговора.

Нет, все-таки необычный народ - художники. Попробуйте не отличить их от других людей. Волыные одежды и башмаки, особенный взгляд, необъяснимая жизнь... Их лучше ни о чем не спрашивать. Их надо слушать. А чтобы понять художника, нужно для начала встретиться с картиной, которая позовет к его творчеству, заманит в страну открытый.

...И СВЕТ НАРОЖДАЕТСЯ

• МОНОЛОГ ХУДОЖНИКА •

У гораздило меня родиться в послевоенной Германии, видел тамбовщину, Москву, Карелию, Украину, а живу, очарованный, в Новгороде уже тридцать лет. Я когда в Новгород приехал, стал соображать: почему здесь такой цветной лес - декоративный, бесшабашный. Композиции - сплошной простор. Реки, разливы, церкви и сам Кремль - все навеивает особую красоту, притягивает художников. Без них Новгород себе и не представить. Даже археологи копали, копали и на Троицком раскопе обнаружили мастерскую Гречина, который церковь Спаса на Нередицком холме расписывал.

Древний город, думаю, совсем еще не познанный, хотя и проникаешь туда своим понятием, умением, своими красками, идеями. И бесконечно проникать можно, черпать оттуда.

Я по-настоящему почувствовал Русь именно в Новгороде. У Нередицы понял, что такое картина. Понял, что до художника еще добраться надо, а к другому ремеслу я не предрасположен и пере-

делаться не смогу.

Если ты - художник, пиши постоянно: ходи, разговаривай, думай, но глазами работай, пока не устанешь. Да еще сон вспомни: как оно там? Писатель ищет слово, а художник - точку (в жизни, на холсте - всюду), с которой надо начать, никого не повторив. Эта работа никогда не кончится и никто тебя от нее не спасет. Вот какжется - все, хватит, не буду... А что-то тебя поднимает, тащит в мастерскую и ты красишь, красишь... Глядишь на следующий день - вроде получилось. Но все равно надо дальше работать. Пока не сделаешь - не отпустит. Ночью проснешься и опять - в мастерскую. Как она, картина, что с ней? И снова - за кисть. Тут и свет нарождается. А «темные» силы кого-то гнетут, и когда-нибудь, не дай Бог, они кинутся на картины с ножами. Нет им дела до света. Но от этого еще больше красить хочется. Сотворить красоту...

Художник не может быть свободным человеком. Он всегда в плену у холста, красок... В

собственном плену. Если одну картину пишешь годами и, просыпаясь ночью, направляешься к ней - разве это свобода? Я волен выразить то, что накопил, но как понимать волю, свободу, если она так дорого стоит?

Какая у Бога, который все может, была свобода? Его призывали, чтобы он спас нас, а потом распяли. Спасет ли? Мы верим. Чтобы силы в себе душевные восстановить. Не все же так скверно было и есть на земле, где до нас столько жизней прожито.

В Христа многие веруют. Дабы подтвердить это - крест носят. В жизни иначе. За спиной надо крест тащить, и не маленький, а огромный. Свобода это или несвобода?

Чтобы не потерять креста за спиной, поднять его в гору, надо помучиться. Но кто-то в тебя не поверит и скажет: казнить, не мловать! Тогда люди готовы будут тебя переломать. И переломают, если сам забудешь о главном. Помнишь, у Цвейга? Человек гулял по улице, было сумрачно и сыро. Он увидел знакомую калитку, открыл ее и оказался в детстве - вошел в сад. На следующий день вернулся к тому месту и калитки не нашел. А художник всегда знает, где калитка в его детство. Он входит туда один и возвращается к людям, чтобы показать им свой сад. Художник остается ребенком... Я должен пропадать в своем саду, выращивать там свои яблоки. А съедят их люди или нет? Конечно, съедят.

Не забывать о своем старом саде, взростеть, понимать, что сад разрастается и любимых растений в нем все больше... Для художника это - его картины. Хорошо, если попадают они в надежные руки, если из

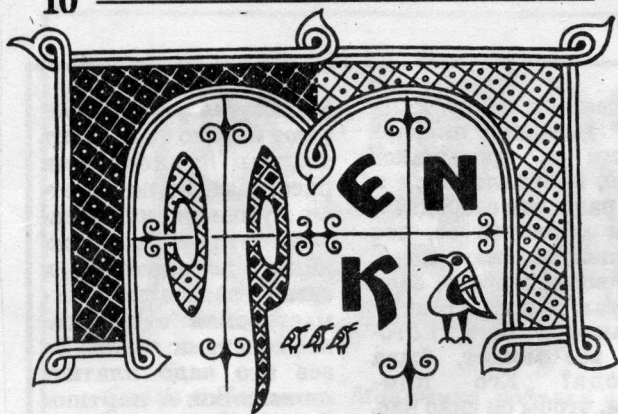
множества работ выбирают именно твою... Есть холсты, с которыми расставаться не хочется. Лучшие из них остаются со мной. Но художники тоже едят хлеб, и самое главное для них - мастерская с красками, холстами, светом. За все это надо платить лишениями. А картины приобретаются сегодня, в основном, почти даром. Деньги водятся не у тех, кто ценит и любит...

Выход найти можно. Вот выбор: рисовать ширпотреб или оставить за собой творчество, сохранить себя. Сейчас это особенно мучает художников, хотя такие барьеры существовали во все времена. Недаром сказано: творцом надо сначала родиться, а потом им стать.

Время все отточит, отберет, расставит на свои места. Искусство останется. И не наша задача загадывать, кто в каком ряду окажется. Надо просто верить, что сможешь... Больно, когда не получается. Но боль и радость надо носить в себе. Хохотунчиком быть смешно, страдальцем - тошно. А видеть и принимать приходится многое. Художник - это фильтр, который, пропуская через себя все состояния души человеческой, отдает миру свет. Но как воспримет зритель твою картину, разглядит ли, поймет? Однако на суд выносить работы надо - для того и творим.

В мастерской-подвале Васюкова нет ни одного окна. Но под тусклыми лампами Игорь развешивает на серой стене свои картины. Вот и окна, открытые в сад, где кружит тропы судьбы - любви, жизни.

С художником встретила
Ирина Таяновская.

ОХ, ВОЙНА...

*полевые записи, нотации напевов
МАРИНЫ БУРЬЯК*

БЫЛИЧКА

Пришел в кабинет к Сталину старик. Сталин у него и спрашивает:

- Как ты вошел, старик?
- Стен много, углов много, как надо, так и вошел,
- ответил старик.
- Говори, зачем.
- Много вреда делаешь, много бою делаешь, несправедливости много, отчаянности.

Сталин и говорит ему:

- Старик, да как же мне отчаянному не быть? Россию берут, Россию грабют. Мне надо ее защищать, немец около Москвы.

- Это я знаю. А хочешь я скажу, когда ты победишь?

А Сталин:

- Мне бы хотелось узнать.
- Девятого мая сорок пятого победишь. Бейся - не бейся, а до этого дня будешь воевать, и народу у тебя больше двадцати миллионов погибнет.

Сталин велел посадить старца в камеру.

- Я тебя в камере сгною, если твои слова не сбудутся.

- Меня ты не сгноишь, сам сгниешь, - говорит старик, - после победы маленько ты прославишься, а потом тебя обгадят, и будешь ты врагом народу.

Сталин держал старца в тюрьме. Прошла война, Россия победила.

- Чего же мы старика-то держим? - напомнил Сталину кто-то из своих.

Открывают дверь в камеру, нет старца.

- Где он, кто выпустил? - закричал Сталин.

А старец спокойно ему говорит:

- Что же ты меня не заметил? Я в углу сидел, на твоих глазах вышел из камеры.

- Как в углу сидел? Не было тебя, я все глаза проглядел.

- А ты и навсегда ничего не видел. Прощай.

- Старик, постой.

- Нет, у тебя скоро карман будет пустой, а я дальше полетел.

К. Леткова, деревня Средняя Ловать
Старорусского района

КАЖДОГО КОСНУЛАСЬ ВОЙНА

Мужья, сыны, а у кого и дочки воевать ушли. Ушли и не вернулись. Об этом сказ.

На опушке леса дуб большой стоит,
А под этим дубом партизан лежит,
Он лежит, не дышит и, как будто, спит,
Золотые кудри ветер шевелит.
Перед ним старушка-мать его сидит,
И своему сыну она говорит:
«Я тебя растила, я не сберегла,
И теперь могила здесь будет твоя.
Когда ты призвался, батяню немца бил,
Где-то под Одессой голову сложил.
Всех же было пятеро у меня детей,
Ты был самый младший,

милый мой Андрей.

Ты скажи словечко матери своей,
Ох, болит сердечко по тебе, Андрей!»
Позади старушки слушал командир,
Ласковое словечко ей проговорил:
«Не рыдай, родная, он геройски пал,
И с земли старушку сразу приподнял.
Пал он за свободу, пал он не один,
Мы немцукам задам крепко отомстим!»

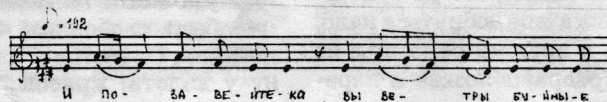
М. Кузьмина, деревня Славитино
Волотовского района

ПЛАЧ

И позавейте-ка, вы ветры буйные,
Вы с четырех сторон в одну сторонушку,
Вы поразвейте-ка с гор желты пески,
Вы поскатите-ка камушки сераи,
И пораздайте-ка, мать-сыра земля,
И пооткройся-ка, гробова доска,
Поразмахнися, ты парча белая,
И пораспустилися, ручушки белая,
И прогляните-ка, вы очи ясные,
Проговорите-ка, уста сазарные,
И вы со мною горькой сиротушкой,
И ты кормилец-батюшка и родна матушка,
И вы послушайте-ка меня горьку сиротушку,
И вы слетайте на чужую на сторонушку,
И поразиците-ка, вы мои милых детушек:
Моего милого сыночка Витюшку,
И мою-то дочушку - мою Шурочку,
И маленького сынушку, ох, моего Толюшку,
И мою удалую, ох, и головушку -
Моего-то милого, ох, мужа Федора.
И расспросите горькою меня сиротушку,
Как я рассталася со своим-то детушкам,
Что понаделала эта война черная,
И как погибли все мои милые детушки.

А. Иванова, деревня Лужки
Славитинского с/с

НА «СЕМЕНОВНУ» МНОГО ПЕСЕН СЛОЖЕНО

Ой, товарищи, прошу внимания,
А я сейчас спю вам про страдания.
Про страдания, жизнь комсомольскую,
Про Зю-девушку Космодемьянскую.
Зю-девушка да во Москве жила,
В десятый класс ходит Зюенька начала.
Отец Зюеньки служил в армии,
Он писал в письмах ей слова печальныи.
«Дочка, милая, ты перестань грустить,
Война окончится, и будем вместе жить!»
На этом Зюенька не успокоилась,
В партизан отряд идти готовилась.
А и при том была комсомолочка,
Ох, и отправилась в разведку Зюечка.
По лугам трава расстилается,
Зюя в тыл к врагам пробирается.
Подползла к складам и сказала: «Да!»
Склад с оружием подорвала она.
Вбежали немцы тут как угорелые,
Связали Зюеньке да ручки белые.
Связали рученьки и повели во штаб,
И стали спрашивать про партизан отряд.
Сколько не мучили и не пытались,
А слов от Зюеньки не дождались,
На перекладнишке Зюенька крикнула:
«Убьете вы меня, убьем мы Гитлера!»

Е. Федотова, деревня Черенницы
Старорусского района

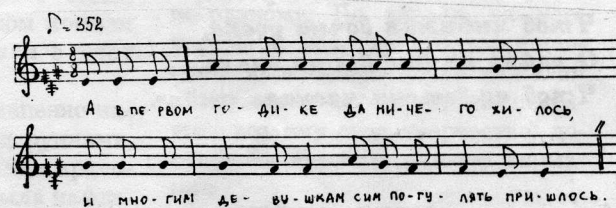
«Ну- вот, последнюю пару отрубим, и нам до самой смерти хватит», - с этим и ушли. Принесли в байню, стали распаривать, а откуда-то взялся сумасшедший снаряд. И никуда-нибудь, а в ихнюю байню угодил. Вот до самой смерти им сапог и хватило.

К. Леткова

...

А я сейчас спю, как жили с немцами:
А в первом годике да ничего жилось,
И многим девушкам с им
погулять пришлось.
Гуляли девочки и даже дамочки,
Своих детей они бросали к мамочке:
«А ты сиди-ко, мать, а я гулять пойду,
А муж давно убит, его не стоит ждать...»
Немцы старые, головки сивые,
Дарили девочкам платки красивые,
Дарили девочкам сапожки лаковые,
Немцы уехали, девочки плакали.

А. Анисеева, деревня Голубково
Батецкого района

В 27 лет я вдовой осталась, муж не пришел с войны, - вспоминает Д. Коренкова из деревни Долгово Новгородского района:

Ой, гора, гора, гора малиновая,
А на той войне убили милого.
Убили милого и крест поставили,
С таких молодых лет страдать заставили.
Вот и кончилась война с Германией,
Пришел бы милой мой, хотя бы раненой.
Хотя бы раненой, его б я встретила,
Тяжелых ранушек я б не заметила.
Вот и кончилась война немецкая,
Вся в кровинушке страна советская.
Ой, война, война пятигодняя,
А с за тебя, война, стала бедовая.

ЧЕРНАЯ БЫЛА ВОЙНА

...**В** Черном ручью это было. Дело зимой. Убили нашего солдата, а одна баба пошла ночью в поле и отрубила этому солдату ноги - он в хромовых сапогах был: «Эти хромовые сапоги как раз моему Лешке будут!» Взяла, отнесла их в байню (байня стоплена была). «Пусть отпарятся, потом ноги вытащу, а сапоги сыну приберегу!» Легла она спать, сын приходит к ней и говорит: «Мама, принеси мне ноги, а то на том свете мне ходить не в чем будет». Баба утра не дождалась, побежала к солдату, перевернула, а это - сын ейный...

...**В** войну мы на высылке были в деревне Сутыли. Посреди деревни колодец стоял, сюда собиралась молодежь поплясать - ничего, что война! Потом наши стали наступать, немца за Плюссу унали. Осталась жить в этой деревне одна семья. Батько с сыном не брезговали - сапогами запасались: 130 пар ног отрубили. А матка против была. Вот пошли оны снова за сапогами, а мать в ноги упала: «Не пущу!»

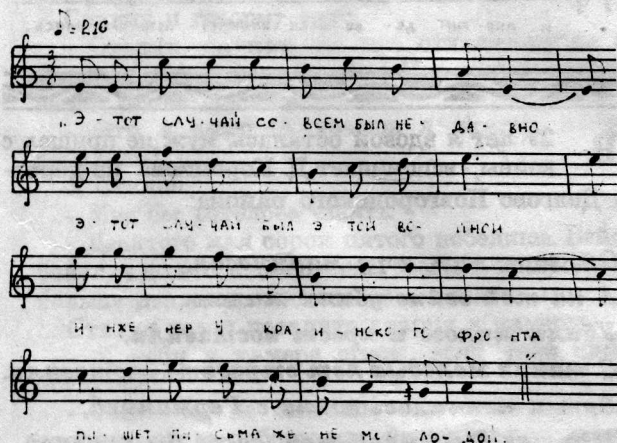

(Продолжение. Начало на 10-11 страницах)

ОХ, ВОЙНА...

Сколько покалечила война, - поет и плачет
А. Иванова из деревни Замощье Маловишерского района:

*Этот случай совсем был недавно,
Этот случай был этой войной,
Инженер Украинского фронта
Пишет письма жене молодой:
«Дорогая жена, я - калека,
У меня нету правой руки,
Нет у ног. Они верно служили
Для защиты родной стороны.
А за это страна наградила,
Тепло встретила Родина-мать,
Неужель ты калеку забудешь,
Как же будешь калеку встречать?
Я без тебя покой, дорогая,
Чтоб любимая дочка росла,
О войне ничего бы не знала,
Чтоб по-детски ласкала тебя».*

"Дело в войну было. Мы на конном дворе снопы подносили, - вспоминает Е. Силичева из деревни Мытно Новгородского района, - кто в машину снопы носил, вдруг закричали: «Самолет!» Мы скорее прятаться тут рядом окоп был подготовлен. Глядим, все дымом взялось, все с грязью смешалось, черное стало. Лошади все убитые, дорога разбомблена, а дома стоят (мы тогда с мамой в Посаде жили), только окошки все повывитые. Мы поуспокоились, окошки завесили: кто постелям, кто одеялам.

Вечером русские в деревню пришли - отступали.

У нас остановилась машина с рацией, пять человек их разместились. Один солдат моей сестры и говорит: «Сегодня-завтра здесь немец будет».

- Откуда?

- С Волхова уже прорвался на эту сторону.

А тогда сказать ничего нельзя было, сразу... А сестра все-таки рассказала. Мы скотину в окопы увели, еды какой успели... Русские быстрехонько ушли и ружья свои забыли. Мы винтовки-то спрятали под печку, чтобы немцы не нашли, а сами в подвал забились. Слышим - стучатся в ворота, надо идти открывать. Я как взглянула на них - страшные: ножи подвешены, банки болтаются, в касках. Я сразу и заплакала, вот как страшно стало. Один подошел, взял меня за подбородок: «Русь, не плачь». Они разделись, натопили печки, лежанки, сразу - воду греть, мыться, ноги свои парить. Наносили соломы, все вповалку легли и уснули. А сестра и говорит: «Эх, им бы гранату сюда!»

Всех куриц они переловили и съели, коров порезали: принесут половину коровы в избу, начинают делить - каждому по одинаковому куску. А уходят в бой, ставят маленькую чекушку и по глоточку выпьют. Придут с боя печальные: им все же некуда было сунуться - наши их стали отбивать. Ой, а над нами издевались: обстригут наголо или заставят добыть чего-нибудь: «Не добудешь - капут!»

Мы в лес ушли. В кузовках тесто растворим, кокорок, лепешек на углях напечем. В окопах помоемся...

Потом начали нас бомбить - знак подавать, чтоб мы куда-то уходили. Мы ушли за девять километров в лес, в волховские окопы. Там мы и жили, пока нас не освободили.

Однажды ночью глядим, идет артель по просеке. Оны нас заметили: «Не бойтесь, мы русские!» Мы обрадовались. Оны сказали, что завтра наступление и попросили помочь с ранеными. Ой, как начался бой, как затряслись наши землянки! А нас предупредили, что снаряды не долетят сюда. Все равно страху сколько!

Когда немцы отступить стали, всех стариков и старух расстреляли. В скотных дворах у них было наших пленных набито - всех сожгли. А было идут наши пленные-то: кто босой, кто как. Стоишь и смотришь на них. Несут снаряды, битоны с чем-то на палках:

- Хозяюшка, нет у ты варежек каких?

И есть, да не дашь: себе погибель. Моя мамушка отважилась, взяла варежки и пошла с ведром, будто за водой, а их уже в конюшню утнали.

Ну, вот бой кончился, утих. Нас не пустили в деревню, пока всех раненых и убитых не убрали. В окопах голодно было, холодно: с голоду пухли. Из крапивы щи варили, с лебеды, с маку.

Помню, мама наелась с маку щей, как стеклянная сделалась, распухла.

Хоть и тяжело было, а завсегда пели:

По долинам и по взгорьям
Между двух огромных скал
Прорывался ночью темной
Санитарный наш отряд.
Впереди их шла повозка,
А в повозке - Красный Крест,
Из повозки слышны стоны:
- Боже, скоро ли конец?
- Погодите, не спешите! -
Говорила им сестра,
А сама едва шагла
Утомленна и бледна.
- Скоро мы на пункт приедем,
Накормлю вас, напою,
Перевязки всем поправлю,
Домой письма напишу.
Вот один боец диктует:
"Здравствуй, милая жена!
Жив я, ранен не опасно,
Скоро дома буду я".
А она все пишет, пишет,
А на сердце тяжело:
Ее муж давно убитый,
Сердце кровью облитое.
Снова стоны раздаются
У.....окна,
И туда шагает быстро
Медицинская сестра:
- Что тебе, товарищ, надо?
Или пить, или подать?
- Ничего, сестра, не надо,
Я уж начал застывать.
Документы принимала
У товарища она,
Ясны очи закрывала
Медицинская сестра».

Художник Григорий Корниенко

НИЧЕГО С ВОЙНЫ НЕ ЗАБЫТО!

Снова серую военную придется надевать,
Вместо милованья винтовочку придется

прижимать.

П. Морозов, ст. Передольская
Батецкого района

П овестка придет, собираем парню вечер (Н. Герасимов, деревня Жилой Бор Хвойнинского района), он с ребятами обойдет всю деревню, в каждый дом зайдет, простится. Везде благославят, на дорогу чего-нибудь дадут. За деревней на березе венок из веток заплетет (К. Леткова): если венок распустится, то он вернется. А которая девушка гуляет с ним (А. Анисимова, деревня Заполье Батецкого района), тая далеко-далеко провожает, на землю упадет и голосом заплачет.

Ой, желанной мой,
Ой, любовной мой,
Оставляешь-то ты меня,
Горьку сиротушку,
Во пути-то ты,
Во дороженьке.

Мать с себя крестик снимет (К. Леткова), оденет на сына: «Храни тебя, Господи!», три раза перекрестит, в лоб поцелует. Долго вслед смотрит, потом со следа земельки возьмет (Т. Иванова, деревня Лединки Боровичского района) и будет хранить, чтобы живым вернулся.

Провожала сына мать
На святое дело,
По-геройски защищать
Родину велела.
- Я наказ тебе даю:
Не жалея жизни,
Послужи, сынок, в бою
Матери-отчизне.
Ленинград мы не сдадим,
Красную столицу,
Через море перейдем,
Встанем на границу.
- Ты не плачь и не горюй,
Моя дорогая,
Если ранят или убьют,
Знать, судьба такая.

Е. Силичева, деревня Мытно
Новгородского района

«Я ВЕРНУСЬ ИЗ ВЬЮГИ ОГНЕВОЙ...»

Почти полвека хранится в Государственном архиве новейшей политической истории Новгородской области рукописный сборник «ФОЛЬКЛОР БОРОВИЧЕЙ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ-БОРОВИЧАН ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.». Составлен он в 1946 году членом комиссии по собиранию материалов о Великой Отечественной войне в г. Боровичи П. И. Илларионовым. Рукопись содержит 47 частушек, 46 стихотворений и песен, написанных красноармейцами и трудящимися-боровичанами, есть в рукописи и юмористические пьесы боровичского учителя П. М. Серова «Разговор Наполеона с Гитлером», «Раздумья Гитлера».

Сборник невелик, но 40 пожелтевших страниц из обычных школьных тетрадей донесли до нас из далекой «вьюги огневой» и неизбывное горе вдов, матерей, и радость приближающейся Победы, и всепобеждающий смех, низвергающий врага до карикатурного образа.

Публикуемые впервые некоторые произведения из этого сборника печатаются точно по оригиналу.

Частушки.

Не кукуй в лесу, кукушка,
Не томи меня весной -
Дни и ночи жду родного
Я с победой домой.

Много наших немец подлый
В Новгороде сгубил,
Мы пойдем, поплачем вдоволь
Средь родных святых могил.

Боровичи враг не тронул,
Хоть блудил недалеко.
Мы трудом своим поможем
Тем, чье горе велико.

Не шумите ветры в поле,
Не тревожьте вдовий дом.
Заглушу я свое горе
Лишь стахановским трудом.

Смертью храбрых пал мой милый
За народ наш, за страну.
По его пути пойду я
В эту страшную войну.

Вот защелкали винтовки,
Застрочил мой пулемет.
Стали фрицы перед нами
Сразу задом наперед.

Под Москвой набили морду,
Гонят Гитлера назад.
Заявляет фюрер гордо:
«Это климат виноват».

Сидит Гитлер под забором,
Просит кружку молока,
А доярка отвечает:
«Подую тебе быка».

Геббельс «в музыку играет»,
Гитлер пляшет трепака.
Не бывать вам в Ленинграде,
Два фашистских дурака.

Как веревочка ни вейся -
Разовется наконец,
Как фашисты ни крутились,
Но пришел и им конец.

Времена меняются

Бывало, немец для красоты
Топорщил нагло вверх усы.
Куда-то все ушло назад,
Вверх не усы уже торчат,
А спеси прежней вопреки
Трясущиеся две руки.

П. Серов

Завещание

- Что случилось, Ваня?
Взор твой затуманен,
И лежишь, как скошенный,
головой во ржи?
- Эх, братишка ровный,
я смертельно ранен...
Ты меня, братишка,
малость поддержи!
И встает Ванюша,
плетью виснут руки.
- Мне глаза кололи,
я слепой лежал...
Мучили подлюги...
грудь терзали суки...
И вопрос чинили...
Слова не сказал...
Смерть моя приходит,
но жизнь молодую
Отдаю спокойно за Россию-мать.
Только злобу лютую,
ненависть святую
Вам, мои товарищи,
хочу завещать.
Бейте немца в сердце,
бейте без пощады!
Так велит, ребята, воинская честь.
Проходить ни шагу
не давайте гадам,
Помните одно лишь
только слово - месть.
И умолк Ванюша.
На земь положили
Мы героя-друга. Тихо встали вокруг.
- Эх, да разве можно,
чтоб не отомстили.
Нет, растопчем гада!
Будь спокоен, друг!

К. Вельдяев
Боровичи

В Москве - салют, в Берлине - свечи.

У бандитов в Берлине тоска,
Их весенний не радует вечер.
И когда салютует Москва,
Они жгут погребальные свечи.

И. Кузьмин
Апрель 1944 года

Милая

в далеком городке...

Милая в далеком городке,
Где ковали счастье
в радостном труде,
Где ходили мы рука в руке
В улицах на быстрой Мсте-реке.

Много причинили немцы горя нам.
Я за все проклятым
извергам воздам.

Жди меня и не особенно грусти,
Стойко испытания неси.

В дальней, но любимой стороне,
Дорогая, помни обо мне.
Я вернусь из вьюги огневой,
Обнимусь, любимая, с тобой.

Я вернусь из северных болот,
Где последний немец упадет,
Сбитый пулей меткого стрелка,
Сыном славного родного городка.

Немцу не поганить нашу Русь!
Верь, родная, я с победой вернусь!

Старший лейтенант
А. Селезнев.
Бывший рабочий
гор. Боровичи
17 сентября 1943 г.

Девушке тыла

Треплет волос ветер на рассвете.
Застыдился полосой огня восток.
Ты проходишь, скромная,
в голубом берете;
Мне прислала беленький
носовой платок,
Маленький батистовый,
с красною каймою.
Я гляжу, тревогу в сердце затаю...
Где-то я встречался, кажется,
с тобою.

Только где встречался -
не припомню я.
«Дорогому воину» - ниткою шелковой
Вышито два слова, а в углу цветок.
От простой советской
девушки Шумковой -
Маленький батистовый
носовой платок.
Выполню наказ твой:

«Истребляй фашистов,
Очищай родную землю от зверей.
С радостью победы и платком
батистовым,
Дорогой товарищ, приезжай скорей».
Я пойду в разведку - ты со мною рядом,
Я пойду в атаку - будешь ты со мной.
Достанется крепко

гитлеровским гадам
За тебя, хорошая, за подарок твой.
И даю тебе я клятву божью -
Это за подарок будет мой ответ -
Я не пожалею за страну родную
Молодую жизнь отдать в 19 лет.

Сержант В. Ларин
Боровичи,
7 марта 1943 г.

Подруге

Сколько любящей ласки в тебе,
дорогая!
Как хочу я увидеть, родная, тебя!
Как легко мне в бою,
оттого, что я знаю -
Ждешь давно с неизменной любовью
меня.

Но пока мы с тобой далеко
друг от друга,
Между нами полей необъятная ширь.
От приволжских просторов
до быстрого Буга
Встал великий, могучий
народ-богатырь.

Я частица большого народа.
Вместе с ним за него
я с врагами борюсь,
Чтоб навеки прекрасной, счастливой,
свободной
Стала родина наша - великая Русь.

Автор неизвестен.

(Стихотворение найдено в архиве редакции газеты «Красная искра» среди стихов, присланных с фронта с просьбой поместить их в газете. Напечатано не было.)

Колыбельная

Спи, мой сыночек,
Спи, мой цветочек,
Сладко, спокойно усни!

Спи, мой далекий,
Голубоокий,
Крова лишенный, усни!

Мама скучает,
Мама не знает,
Где ты, что случилось с тобой.

Может быть, в поле
Горькая доля
Стелет ковёр снеговой?

Может быть, милый
В холодной могиле
Сном беспробудным уснул,

Или в неволе
У Гитлера
Коля
Детские глазки сомкнул?..

Мама с винтовкой
Разведчицей лоской
«Ужин» фашистам несет:

Метя за сыночка,
Вместо цветочка
В штаб их гранату метнет.

Спи, мой далекий!
Сгинет жестокий,
Гнусный немецкий палач.

Жизнь улыбнется...
Мама, вернется сын твой,
Голубка, не плачь!

Автор неизвестен

Письмо с фронта

Нас с тобой разлучила война.
Ты в Сибири с заводом своим,
И не знаю, голубка моя,
Я тобою забыт или любим.
Но со мной ты незримо всегда.
Где бы ни был - хоть в жарком бою,
Повторю, взяв на мушкету врага:
«Это я за любовь мою мщу!»
И в разведке, лежа среди болот,
И в землянке холодной, сырой,
Завладев ряд безвестных высот,
Я к тебе уношусь мечтой.
Разлучило начало войны, -
Значит, я возвращусь с концом.
А приблизить конец я смогу
С каждым взятым у них рубежом.
Убивая в сражении врага,
Я сквозь зубы тизонько шепчу:
«За тебя это, Ксанка моя,
И за Альку-сыночка я мщу!»
Как хотелось свободно вздохнуть!
Как хотелось бы жить и творить
И тебе, мое счастье, шепнуть:
«Я вернулся, как раньше, любить!»
И не верю, чтоб в эти года-
Годы жуткой кровавой войны-
Ты бы вдруг позабыла меня.
Я люблю!
Значит, любишь и ты.

Автор неизвестен

К публикации материал подготовили:

Людмила ФЕДИНА, главный
специалист Архивного управления
Новгородской области,

Светлана ВАСИЛЬЕВА, сотрудник
Новгородского Центра музыкальных древностей.

с днём победы!

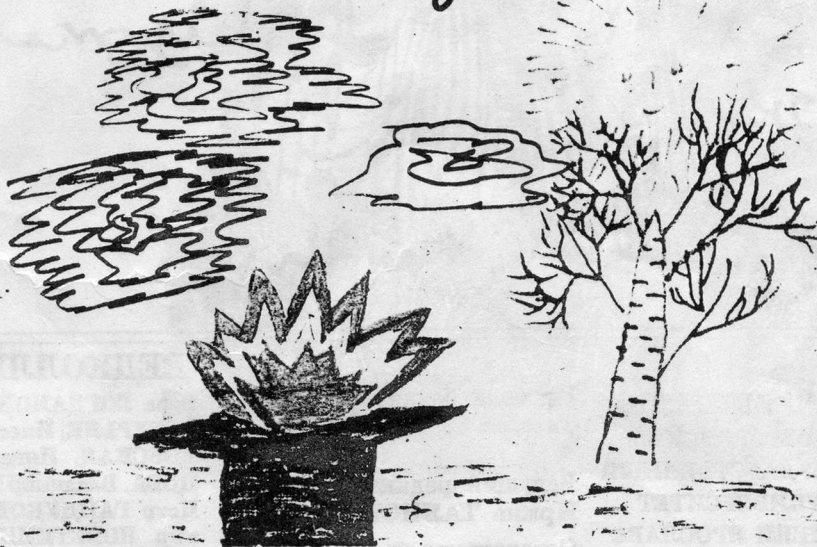

Рисунок Марины Михайловой, 8 лет, 1995 год.

Береж в тишине переломе очей.
 На полках слова - как слезы.
 И твой мир в земном мире
 Про шумный шум и плеск.
 С тобой мне шептали цветы
 В багряном поле под Москвой.
 Я хочу, чтобы слышала ты
 Как тоскует мой голос твой.

Ты сейчас далеко, далеко.
 Между нами турки и снега.
 До тебя мне идти не легко
 А до смерти ближе мая.

Той, карлони, в море не злы.
 Забывавшие слова твои.
 Мне в холодной земле твое
 Ог мой нежной любви.

ф. Суслов.

24/11 1941 г.

г.р. Кашин, под Москвой.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
 НОВГОРОДСКИЙ
 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
 УНИВЕРСИТЕТ
 ИМЕНИ ЯРОСЛАВА
 МУДРОГО.

Главный редактор -
 Тамара СИГАЛОВА.

Ведущий редактор номера -
 Ирина ТАЯНОВСКАЯ.

Ответственный секретарь -
 Ирина АЛЕКСАНДРОВА.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Вера БОГДАНОВА, Мари-
 на БУРЬЯК, Инесса ЗАРА-
 КОВСКАЯ, Инна КУЗНЕ-
 ЦОВА, Владимир ГОРМИН,
 Петр ГАЙДУКОВ, Влади-
 мир ПОВЕТКИН, Эдуард
 РАНЕНКО, Игорь ТАЯ-
 НОВСКИЙ, Валентин
 ЯНИН.

Графика
 Владимира
 ПОВЕТКИНА

Видеоприложение к но-
 меру приобретайте по
 адресу: г. Новгород, ул.
 Славная, 53.

Адрес редакции: г. Нов-
 город, ул. Льва Толстого,
 6/64.